

Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности)

Масловская Е.В.,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра социолого-правовых исследований Социологического института
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического исследования. На основе социологической концепции П. Бурдьё и ее современных интерпретаций в статье рассмотрен процесс взаимодействия юридического поля и поля науки. Проанализированы особенности участия эксперта в процессуальных действиях на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности. Результаты исследования подтверждают тенденцию к юридической профессионализации выделенных групп экспертов. Выявлено, что асимметричность властных отношений внутри юридического поля вынуждает экспертов разрабатывать набор тактик, позволяющих обеспечить правовую защищенность собственной профессиональной позиции. Выделен репертуар тактических действий, используемых экспертами при взаимодействии со следственными и судебными органами.

Ключевые слова: социология права, социология профессий, судебная экспертиза, уголовное судопроизводство, процессуальные действия, эксперт, юридическая профессионализация.

В современных условиях роль специальных знаний в судопроизводстве все более возрастает. Основным видом процессуального использования специальных знаний и одновременно одним из значимых каналов введения в юридическое поле научных данных является судебная экспертиза. «Судебная экспертиза — это отличная от других специфическая разновидность экспертиз, обладающих особым статусом», который состоит в том, что «эти экспертизы выполняются в ходе судебного исследования по гражданским и уголовным делам, делам по административным правонарушениям»¹. Те или иные виды судебных экспертиз широко используются при расследовании многих преступлений. Помимо этого, последние изменения в уголовно-процессуальном законодательстве России привели к тому, что результаты деятельности обладающих специальными знаниями лиц приобретают особую значимость в системе судопроизводства, играя важнейшую и подчас решающую роль в процессе доказывания.

Однако нередко следователи, как и судьи, сталкиваются с проблемой выбора форм применения специальных знаний, поиска и привлечения эксперта соответствующего профиля и квалификации, форм взаимодействия с ним, необходимости оценивать представляемые экспертами заключения. В свою очередь, вступление эксперта в юридическое поле сопряжено для него с определенными проблемами и рисками.

Во-первых, различаются задачи, на решение которых направлены «юриспруденция» и «наука». В частности, хотя открытые дебаты харак-

терны для обеих сфер деятельности, наблюдаются существенные отличия поиска истины в зале судебных заседаний и в научной лаборатории: 1) научные выводы постоянно подвергаются ревизии, в то время как юридический спор должен быть разрешен окончательно и в течение определенного времени; 2) для сферы науки характерно рассмотрение множества гипотез, каждая из которых проверяется в соответствии с принципами фальсифицируемости и верифицируемости; 3) в юридической сфере речь идет о прошлом событии, решение принимается по конкретному делу.

Во-вторых, специализированность профессионального юридического языка и правовых процедур вынуждает экспертов приобретать дополнительные навыки и умения, выстраивая свою деятельность в соответствии с требованиями законодательства и апеллируя к закону с целью обеспечения правовой защищенности своей позиции.

В связи с этим возникает ряд вопросов, требующих социологического изучения: как эксперты воспринимают сложившуюся ситуацию, какие смыслы вкладывают в свою работу, какими критериями руководствуются при проведении исследований и написании экспертизы? Каким образом представления экспертов и иных участников о судебной системе и ее функционировании воздействуют на их поведение в ходе межпрофессионального взаимодействия? Важным представляется выявление последствий происходящих процессов как для экспертов, так и для юристов. Происходит ли изменение целей научной деятельности, средств и методов работы, а также критериев ее эффективности? Вынуждены ли эксперты отстаивать собственную профессиональную позицию на различных этапах судопроизводства и, если да, то какие тактические дей-

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2010. С. 5.

ствия они используют для этого? Какие изменения претерпевает профессиональное поведение судей, сталкивающихся с многообразием исследовательских методик, несопадением выводов экспертов по одному и тому же делу?

Изучение роли эксперта в уголовном и гражданском судопроизводстве является одним из направлений исследований в современной социологии права. Такого рода исследования в значительной степени сфокусированы на США и странах общего права². Современное состояние исследований по данной проблеме также определяется корпусом работ, выполненных представителями других научных дисциплин, в том числе юриспруденции. Данные работы посвящены главным образом изучению в сравнительно-правовой перспективе степени влияния типа правовой семьи, соответствующей ему судебной процедуры на роль эксперта в процессе; изучению механизма определения компетентности эксперта, процедурам и критериям отбора экспертов; выявлению профессиональных ценностей экспертов, выступающих в суде³.

В отечественной литературе немало работ, рассматривающих данную проблематику с позиций юридического подхода. Отечественными юристами и представителями российской экспертологии изучается комплекс проблем теоретического и практического порядка, связанных с правовым регулированием использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, а также процессуальное положение эксперта/специалиста и заключения как вида доказательств в уголовном процессе, уголовно-процессуальные гарантии обеспечения обвиняемому (подозреваемому) возможности реализовать свое право на защиту, связанное, в частности, с приглашением специалиста⁴. Однако межпрофессиональное взаимодействие экспертов и юристов в уголовном и гражданском судопроизводстве с социолого-правовых позиций не исследовалось российскими учеными.

² Saks M., Faigman D. Expert Evidence after Daubert // Annual Review of Law and Social Science. 2005. Vol. 1. P. 105–130; Krieken R. Law's Autonomy in Action: Anthropology and History in Court // Social and Legal Studies. 2006. Vol. 15 (4). P. 574–590.

³ Allridge P. Scientific Expertise and Comparative Criminal Procedure // International Journal of Evidence and Proof. 1999. Vol. 3. P. 141–164; Nance D. Reliability and the Admissibility of Experts // Seton Hall Law Review. 2003. Vol. 34. P. 191–254.

⁴ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, административном и уголовном процессе. М., 2006; Баев О.Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2015; Хмелева А.В. К вопросу о совершенствовании законодательства в области назначения и производства судебных экспертиз // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 238–241; Смирнова С.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (7). С. 220–227; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005.

В данной статье представлены результаты социологического исследования, целью которого было выявление особенностей взаимодействия носителей специального знания с юристами — участниками судопроизводства на примере двух профессиональных групп экспертов, которые действуют с существенно различающихся позиций, а именно — на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности (объектов недвижимости, активов предприятий и т.п.). Судебная медицина относится к естественно-научной области знания и практики, методологические основания которой рассматриваются как образцовые в научной сфере. В свою очередь, статус оценочной деятельности как области не только практики, но и науки, опирающейся на совокупность соответствующих методов и исследовательских методик, подвергается сомнению и активно дебатруется. Общей характеристикой этих групп, важной для целей социологического исследования, является то, что они не относятся к классу традиционных криминалистических экспертиз. Результатом является определенная степень их стигматизированности — хотя и по разным основаниям — в рамках профессионального сообщества экспертов. Судебно-медицинские эксперты — представители медицинской профессии — рассматриваются как «отдельная каста» со сложившимся профессиональным этосом, профессиональным самосознанием и практиками. Экспертиза в области оценочной деятельности как вид судебных экспертиз, напротив, находится в процессе становления, а статус экспертов в данной области проблематизируется в юридическом сообществе.

В качестве теоретической рамки исследования выступает концепция юридического поля П. Бурдьё⁵, которая неизменно рассматривается как одно из основных теоретических направлений современной социологии права⁶. Основным методом сбора эмпирических данных было выбрано невключенное наблюдение в ходе судебных заседаний в судах общей юрисдикции Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2015–2016 гг., дополнительным — полуструктурированное интервью (проведено 14). Респондентами выступили судебно-медицинские эксперты, члены саморегулируемых организаций экспертов в области оценочной деятельности, руководители государственных экспертных учреждений и негосударственных экспертных организаций, преподаватели юридических вузов, адвокаты, федеральные судьи в отставке

⁵ Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. С. 75–128.

⁶ Dezalay Y., Madsen M. The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law // The Annual Review of Law and Social Science. 2012. Vol. 8. P. 433–452; Масловская Е.В. Традиции «критической теории» в современной западной социологии права // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 39–47.

(г. Санкт-Петербург, г. Москва). Эмпирическая база также включает нормативно-правовые акты, ведомственные документы, регулирующие деятельность экспертов, методические материалы, размещенные на сайтах саморегулируемых организаций (далее — СРОО).

Основными носителями специальных знаний согласно действующему УПК РФ являются эксперт, использующий свои знания в процессуальной форме при производстве судебной экспертизы, и специалист, привлекаемый к участию в процессуальных действиях вербального и невербального характера. Помимо процессуальных кодексов, деятельность судебных экспертов регулируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно нормам данного закона «задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» (ст. 2).

В своей работе эксперт руководствуется как научными стандартами, так и требованиями законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность. Основанием для осуществления деятельности в качестве эксперта является либо постановление следователя, дознавателя, либо определение суда. Таким образом, значимой, если не определяющей, особенностью работы эксперта является необходимость освоения специфического профессионального языка юристов и взаимодействие с носителями юридической компетенции в рамках различных процессуальных действий. В частности, эксперт не может представить свое заключение, ориентируясь только на научные стандарты и полностью опираясь на специализированную научную терминологию, так как если бы он писал статью в научный журнал. В этом смысле экспертное заключение принципиально отличается от научных трудов. Экспертное заключение пишется в такой форме, чтобы оно было понятно представителям юридической профессии и могло быть оценено ими. Другими словами, эксперт вынужден учитывать особенности профессионального мышления носителей юридической компетенции: «*„работаем“ на судью, а он юрист, поэтому использовать надо ст. 8, иначе он не понимает, если вы напишите недостаточно обоснованно, то в ст. 8 нет таких формулировок, он не поймет, поэтому изъясняемся его языком, используя ст. 8.*» (эксперт, член ЭС СРОО⁷, опыт работы

8 лет, г. Москва). Решение данной задачи требует овладения специализированным юридическим языком, также как участие эксперта в допросе с целью разъяснения заключения — знания юридических процедур. Совокупность этих знаний является результатом не только «теоретического» освоения законодательства, регулирующего соответствующие действия эксперта, но накапливаемого практического опыта участия в судебных процессах, тесного общения с юристами, в том числе с адвокатами.

В соответствии с требованиями законодательства властные субъекты, назначающие экспертизу, должны поставить перед экспертом ряд конкретных вопросов, разрешение которых требует специальных знаний, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Однако в интервью наши респонденты отмечали проблемы качества постановлений о назначении экспертизы, подробного изложения обстоятельств дела, постановки точных и корректных вопросов эксперту. Следователи, не учитывая «границ» компетенции эксперта, некорректно сформулированными вопросами нередко вынуждают его давать юридическую оценку действиям подозреваемого/обвиняемого. В некоторых случаях прямо указывают в постановлении о подозрении/обвинении в отношении конкретного лица, способствуя, тем самым, формированию неосознанной предвзятости эксперта. Высказываемые экспертами суждения подтверждаются преподавателями факультета повышения квалификации (далее — ФПК) ведомственных вузов, отмечающих, что «*следователи, прокуроры, а порой и судьи не знают процессуальное законодательство, регулирующее назначение экспертизы, не умеют грамотно ставить вопросы перед экспертом*» (преподаватель ФПК, к.ю.н., г. Санкт-Петербург).

Различные группы экспертов используют те или иные тактики смягчения сложившейся ситуации. Например, в качестве решения проблемы ошибок при формулировании вопросов судебно-медицинские эксперты проводят на базе государственных судебно-медицинских учреждений краткосрочные курсы для следователей, подробно объясняя разницу между юридическими и медицинскими формулировками вопросов. Однако, как отмечает один из респондентов, «*контингент слушателей постоянно меняется, я ни разу не видела, чтобы в следующий раз пришли те же самые сотрудники, ситуация не меняется годами, повторяются все те же ошибки*» (судебно-медицинский эксперт, опыт работы 32 г., г. Санкт-Петербург).

Другую тактику выработали, например, специалисты в области оценки, выделяющие две особенности деятельности эксперта в работе со следственными органами при написании для них заключения: 1) высокий уровень ответственности;

⁷ ЭС СРОО — Экспертный совет саморегулируемой общественной организации.

2) высокий уровень профессионализма, который требуется от эксперта. Эксперты учитывают, что *«ценой ошибки эксперта является жизнь, если речь идет об уголовных делах»* (эксперт, член ЭС СРОО, опыт работы 6 лет, г. Москва). Кроме того, они исходят из того, что со стороны обвиняемого тоже могут выступать эксперты: *«в рамках уголовных дел с двух сторон профессионалы, это и адвокаты, и эксперты, при возможности их нанять, конечно, все они должны выработать свою позицию»* (эксперт, член ЭС СРОО, опыт работы 6 лет, г. Москва). В такой ситуации основной целью эксперта становится обеспечение максимальной защищенности, *«чтобы экспертиза устояла в суде»* (эксперт, член ЭС СРОО, опыт работы 7 лет, г. Москва). Для достижения этой цели эксперты вступают в «борьбу» за равноправный диалог со следователями и право действовать в рамках законодательства, не выходя за пределы собственной компетенции. Следователи, среди которых *«распространено мнение о том, что экспертиза относится к следственным действиям»* (преподаватель ФПК, к.ю.н., г. Санкт-Петербург), нередко сопротивляются такому позиционированию экспертов, поскольку *«задача следователя — доказать наличие сговора или ущерба. С нашей стороны, при такой постановке задачи очень тяжело удержать профессиональную позицию эксперта. Поэтому, если сразу не выработать политику равноправного диалога со следователями, то эксперты оказываются незащищенными в суде. На первой встрече мы говорим о том, что, если нас в качестве экспертов приглашают, то мы высказываем профессиональную позицию. Если у СК есть свое мнение, мы готовы обсудить, но это никак не может в дальнейшем влиять на нашу профессиональную позицию. Если они не согласны с такой позицией, то могут пригласить других экспертов, если согласны, то мы продолжаем сотрудничать»* (эксперт СРОО, опыт работы 6 лет, г. Москва).

Результатом отстаивания собственной позиции является возможность изменения формулировок вопросов, представленных следователями, таким образом, чтобы они звучали корректно в рамках специальных знаний экспертов. Например, в стандартную формулировку вопроса *«Содержатся ли в отчете ___ нарушения требований законодательства об оценочной деятельности, оказавшие (способные оказать) влияние на итоговую величину рыночной стоимости объекта оценки...»* (эксперт, член ЭС СРОО, опыт работы 7 лет, г. Москва) эксперты ввели понятие *«существенное влияние»*, учитывая, что это не универсальная величина и в каждом конкретном случае ее определяет эксперт или группа экспертов. Другой пример: вместо *«нарушения, оказавшие влияние»*, эксперты предложили *«как данные нарушения повлияли на итоговую величину рыночной стоимости объекта оценки»*.

Во взаимоотношениях со следственными органами часть экспертов придерживается позиции, согласно которой *«чем дальше эксперт от следователя, тем лучше, надо строго придерживаться профессиональных задач, а юристам оставить решать свои»* (судебно-медицинский эксперт, опыт работы 40 лет, г. Санкт-Петербург). Другая часть экспертов выражает готовность выйти за рамки высказываний профессиональных оценок, взять на себя функции следователя и продемонстрировать вовлеченность в какую-то форму юридического анализа: *«их вопросы решаем нашими методами, мы обязаны ориентироваться на те задачи, которые решает следователь, т.е. необходимо понять, что является предметом доказывания у следователя, надо вникать в дело»* (судебно-медицинский эксперт, опыт работы 26 лет, г. Санкт-Петербург). Однако выбор экспертом той или иной позиции не зависит напрямую от его институциональной аффилированности.

Следует отметить, что выраженная частью экспертов готовность выйти за пределы собственной компетенции сохраняется и в том случае, когда к участию в процессе их привлекает сторона защиты. В целом данная группа респондентов выполняет гибридную роль эксперта-юриста, высказывая интерес к правовой стороне дела и не ограничиваясь просто составлением заключений и участием в допросе. Такие эксперты выражают заинтересованность в более активной роли во взаимодействии с юристами — прокурором или адвокатом, в том числе в зале судебных заседаний: *«подсказываю представителю стороны, какие вопросы задать эксперту противоположной стороны или специалисту»* (эксперт, опыт работы 6 лет, г. Санкт-Петербург), *«вы сидите за спиной представителя или адвоката и говорите ему, задайте такой вопрос и такой вопрос, в последнее время по мобильному переписываемся прямо в зале заседаний»* (эксперт, опыт работы 5 лет, г. Санкт-Петербург).

Вместе с тем внутри сообщества формируется специфическая стратификация, которая проявляется в отделении «настоящих» экспертов от «ремесленников». В качестве критериев их различения выступают наличие/отсутствие глубокого погружения в дело, предполагающего, в том числе, и учет объективно-юридической составляющей дела, готовность/неготовность привлекать соответствующие теоретические ресурсы и методологию для осмысления профессиональных задач, умение/неумение нетривиально подойти к решению проблемы. В результате проводится символическая граница: *«если эксперт выполняет механически только свою работу, не вникая, он «ремесленник»»* (эксперт, опыт работы 9 лет, г. Санкт-Петербург). Существование группы «ремесленников» обусловлено, по мнению респон-

дентов, общими особенностями организации тех экспертных учреждений, в которых «нормативы работы вынуждают сотрудников совмещать несколько ставок, что ведет к их перегруженности, то есть невозможности качественно выполнить исследование» (эксперт, опыт работы 8 лет, г. Санкт-Петербург).

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательства по уголовному делу являются заключение и показание эксперта, которые, как и все доказательства (ст. 240 УПК РФ), подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании. Показаниями эксперта считаются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями ст. 205 и 282 УПК РФ.

Описание экспертами судебного процесса — это описание «процесса не поиска истины, а борьбы на поражение», допроса в судебном заседании — «борьбы за слова» (судебно-медицинский эксперт, опыт работы 21 год, г. Москва). Судья, стороны в процессе стремятся «поймать» эксперта на противоречии тому, что записано в заключении или тому, что он говорил на предварительном следствии. В некоторых случаях, судьи, как до этого следователи, пытаются перенести ответственность на эксперта. В случае возникновения дополнительных обстоятельств в ходе судебного рассмотрения появляются новые вопросы, которые ранее перед экспертом не ставились. Суд обращается к эксперту с тем, чтобы он тут же ответил на возникшие вопросы, не проводя исследования. В других случаях, по словам респондентов, предпринимаются попытки переформулировать или исказить слова эксперта. Сохраняя осторожность и выдержку, эксперты рекомендуют придерживаться следующей тактики поведения: «1) не поддаваться на «давление» со стороны суда или сторон; 2) понять, куда «клонит» судья, стороны, задавая вопросы; 3) не спешить, попросить предоставить том дела и зачитать заключение по пунктам и абзацам, с указанием страниц или потребовать время для проведения исследования» (судебно-медицинский эксперт, опыт работы 40 лет, г. Санкт-Петербург).

В делах, связанных с оспариванием кадастровой стоимости, судебная практика демонстрирует тот факт, что судьи и следователи не доверяют оценщикам и решают проблемы определения стоимости своими методами, назначая судебную экспертизу. Другими словами, позиция следователей и судейского корпуса состоит в том, что судебной экспертизе отдается предпочтение как доказательству по делу перед отчетом об оценке и экспертным заключениям оценщиков в рамках федерального закона об оценочной деятельности. В результате оценочная деятельность в значительной степени оказывается перенесенной в

суды, где судьи вынуждены принимать решения о стоимости объектов.

Опыт наблюдений в судебных заседаниях по делам об оспаривании кадастровой стоимости и сравнительный анализ судебной практики по данной категории дел в судах Санкт-Петербурга и Ленинградской области позволяет сделать вывод о том, что происходит интеграция знаний судьями с целью осуществления рационального выбора, накапливается понимание процессов, которым необходимо дать юридическую оценку. Данная тенденция находит свое выражение в том, что, если в Санкт-Петербурге принятие пояснений оценщика оставлено на усмотрение суда, практически всегда назначается судебная экспертиза. При этом вопросы по экспертному заключению задают ответчики. В то время как в Ленинградской области оценщик — самый активный участник процесса, судебная экспертиза назначается крайне редко, вопросы задает суд. При этом вопросы нередко настолько точные, что создается впечатление, что судьи окончили курсы оценщиков.

В свою очередь, влияние оценки судом экспертного заключения как допустимого на развитие поля науки практически не изучено в отечественной социологии. Отметим, что данное влияние может быть как положительным, так и отрицательным. В частности, юридические стандарты допуска заключений могут служить препятствием для экспериментов, предполагающих отход от стандартной методологии, например, в судебной медицине.

Юридические соображения о приемлемости экспертных заключений, основывающиеся на понимании важности науки для юридической сферы, могут также оказывать положительное влияние на соответствующую науку, особенно в ее практически ориентированном сегменте. В частности, престиж и статус, так же как и интересы судебных экспертов-практиков, в определенной степени зависят от признания их судами. Выявление судом пробелов в сфере научной или технической экспертизы может способствовать проведению исследовательских программ для их восполнения. Если какие-то выводы заключения экспертов не приняты судами по причине непризнания использованных методов или теории адекватными для подтверждения мнения эксперта, специалисты в той или иной научной области могут проводить исследования для того, чтобы профессионально ответить на прозвучавшую критику.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что поведенческие модели, используемые экспертами, отражают конфигурацию и динамику властных отношений как внутри российского юридического поля, так и за его пределами — в поле науки. Деятельность отдельных групп судебных экспертов, участвующих в судопроизводстве, структурируется нерав-

ным доступом к материальным и символическим ресурсам, а также контекстуально зависит от попыток стигматизировать их в профессиональном сообществе. Результаты исследования подтверждают тенденцию к возникновению определенной формы юридической профессионализации экспертов. При этом асимметричность властных отношений внутри юридического поля вынуждает экспертов разрабатывать набор тактик, позволяющих обеспечить правовую защищенность собственной профессиональной позиции.

Список литературы

1. Баев О.Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015.
2. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 75–128.
3. Масловская Е.В. Традиции «критической теории» в современной западной социологии права // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 39–47.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006.
5. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010.
6. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (7). С. 220–227.
7. Хмелева А.В. К вопросу о совершенствовании законодательства в области назначения и производства судебных экспертиз // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 238–241.
8. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
9. Alldridge P. Scientific Expertise and Comparative Criminal Procedure // International Journal of Evidence and Proof. 1999. Vol. 3. P. 141–164.
10. Dezalay Y., Madsen M. The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law // The Annual Review of Law and Social Science. 2012. Vol. 8. P. 433–452.
11. Krieken R. Law's Autonomy in Action: Anthropology and History in Court // Social and Legal Studies. 2006. Vol. 15 (4). P. 574–590.
12. Nance D. Reliability and the Admissibility of Experts // Seton Hall Law Review. 2003. Vol. 34. P. 191–254.
13. Saks M., Faigman D. Expert Evidence after Daubert // Annual Review of Law and Social Science. 2005. Vol. 1. P. 105–130.

The Peculiarities of Interaction of Experts with Investigative and Judicial Bodies (the Case of Forensic Experts and Assessors)

Maslovskaya E. V.,

Doctor of Sociology, Senior Researcher,
Head of the Centre for Socio-Legal Studies, Sociological Institute
of Russian Academy of Sciences
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of a sociological study. On the basis of Pierre Bourdieu's sociological theory and its contemporary interpretations the article considers the process of interaction between the juridical and scientific fields. The peculiarities of participation of experts in procedural activities are analyzed in the case of medical experts and assessors. The results of the study confirm the tendency towards juridical professionalization of these groups of legal experts. It has been revealed that asymmetry of power relations within the juridical field forces the experts to work out a set of tactics ensuring legal protection of their professional position. The paper singles out the repertoire of tactical moves which are used by the experts in their interaction with investigative and judicial bodies.

Keywords: sociology of law, sociology of professions, expert testimony, criminal trial, procedural activities, expert, juridical professionalization.

References

1. Baev O.Ya. Zashchita dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Prospekt, 2015.
2. Burd'ye P. Vlast' prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya // Burd'ye P. Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki. SPb.: Aleteyya, 2005. S. 75–128.
3. Maslovskaya E.V. Traditsii «kriticheskoy teorii» v sovremennoy zapadnoy sotsiologii prava // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. № 7. S. 39–47.
4. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, administrativnom i ugovnom protsesse. M.: Norma, 2006.
5. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza. M.: Prospekt, 2010.
6. Smirnova S.A., Omel'yanuk G.G., Usov A.I. Zakonodatel'noe zakreplenie innovatsiy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2016. № 1 (7). S. 220–227.
7. Khmeleva A.V. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva v oblasti naznacheniya i proizvodstva sudebnykh ekspertiz // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2016. № 2 (7). S. 238–241.
8. Eksarkhopulo A.A. Spetsial'nye poznaniya i ikh primenenie v issledovanii materialov ugovnogo dela. SPb.: Izdatel'skiy Dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.